

В. Ю. Быстров

ФИЛОСОФИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА КАК ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ И СБЛИЖЕНИЕ*

Философия и журналистика рассматриваются в данной статье как разновидности дискурсивных практик, которые по многим признакам противопоставляются друг другу. В таких условиях возможность появления такой дисциплины, как «философия журналистики», оказывается весьма проблематичной. В то же время история философии предоставляет немало примеров удачного сочетания этих противоположностей: К. Маркс, В. Розанов, М. Фуко. Особого внимания заслуживает концепция «аналитического репортажа», к которой М. Фуко неоднократно возвращался. Представление о философии как об открытой системе может служить плодотворным основанием для сближения дискурсивных практик философии и журналистики. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: дискурс, журналистика, философия, система, аналитический репортаж.

V. Yu. Bystrov

PHILOSOPHY AND JOURNALISM AS DISCURSIVE PRACTICES: OPPOSITION AND CONVERGENCE

Philosophy and journalism are considered in this article as versions of discursive practice which in many indications are opposed each other. In such conditions, the possibility of the occurrence such discipline as 'the philosophy of journalism' appears rather problematic. At the same time the history of philosophy gives many examples of a successful combination of these opposites: K. Marx, V. Rozanov, M. Foucault. Special attention is spared for the concept of 'analytical reporting', to which M. Foucault repeatedly came back in his writings. Representation about philosophy as an open system can serve the fruitful basis for rapprochement of discursive practice of philosophy and journalism. Refs 11.

Keywords: discourse, journalism, philosophy, system, the analytical reporting.

Если бегло осмотреть современные университетские программы изучения философии, то сразу же попадутся на глаза такие курсы, как «философия права», «философия искусства», «философия науки», «философия религии» и многие другие, где философия выступает в качестве субъекта, а какая-либо определенная область человеческой деятельности служит предметом приложения свойственных этому субъекту познавательных способностей. Такое положение дел не вызывает вопросов, так как философия как интеллектуальное предприятие «по умолчанию» наделяется полномочиями обозревать любые области жизни и любые формы практики, устанавливая в них нормы и аномалии.

В таком случае непонятно, почему в этом ряду «философий» мы практически нигде не обнаруживаем такого курса, как «философия журналистики». Почему

Быстров Владимир Юрьевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; vyb83@yandex.ru

Bystrov Vladimir Yu. — Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; vyb83@yandex.ru

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда «Отечественная философская журналистика. 1917–1922 гг.» (проект № 16-03-00623).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

философия, с несвойственной ей осторожностью, избегает данного предмета и в наши дни, когда расписания гуманитарных факультетов переполнены курсами, представляющими интерес главным образом для тех преподавателей, которые их и читают? В связи с этим возникает целый ряд вопросов. Не представляется ли странным то обстоятельство, что «философия журналистики» так и не возникла в эпоху, которую все единодушно называют эпохой всеобщих коммуникаций, эпохой доминирования «четвертой власти», эпохой, в которую власть средств массовой информации если и не достигла ступени тотального господства над всеми проявлениями человеческого существования, то, по крайней мере, к этой ступени подошла весьма близко? И не выглядит ли удивительным тот факт, что два факультета — философии и журналистики, — олицетворяющие собой претензии частных форм деятельности на тотальное господство, во всех университетах мира поддерживают между собой исключительно формальные, а иногда и открыто прохладные отношения? Разумеется, ответы на эти вопросы требуют специальных социологических исследований социального статуса философии и журналистики в современном мире, но и невооруженному взгляду открывается механика взаимного отторжения, отталкивания этих двух дисциплин.

Можно утверждать, что журналистика как довольно сложная социальная практика, предполагающая не только рутинный обмен информацией, возникает в западноевропейской культуре не ранее XVIII столетия, т.е. гораздо позже, чем философия включила в поле своей компетенции все важнейшие космологические, теологические и эпистемологические проблемы. В отличие от науки журналистика долгое время ассоциировалась с производством некачественных и поверхностных интеллектуальных продуктов, в результате чего связь с журналистикой стала непривлекательной для профессиональных философов, конструировавших свою идентичность в атмосфере интеллектуального превосходства над другими профессиями. Именно поэтому естествоиспытатели и математики одновременно и пугали философов, и притягивали к себе их внимание. Если добавить к этому историческую замкнутость и косность философии, которая и сейчас остается менее разнообразной и интеллектуально предприимчивой, чем любая иная гуманитарная наука, то рецепт игнорирования журналистики и новых массмедиа философией будет завершен. Многие философы рассматривают журналистов как людей, посвятивших свою жизнь составлению упрощенных рассказов о мире, допускающих массу ошибок в своих книгах и готовых легко изменять свою точку зрения по воле заказчика. Журналисты, в свою очередь, считают философов плохо информированными индивидами, утратившими связь с реальностью, слабо ориентирующимися во всем, что выходит за рамки их специализации, недостаточно сообразительными, не имеющими серьезного влияния на общественное мнение и поэтому недостойными, в конечном счете, того почтения, какое им по ошибке продолжает оказывать общество.

В то же самое время можно было бы написать довольно пространную историю увлечения философов журналистикой, и первым назвать, например, Гегеля, начавшего свой день с ежедневной газеты как с утренней молитвы. В этой истории отдельные главы могли быть посвящены, например, Х. Ортеге-и-Гассету, родившемуся в семье владельцев газеты, Б. Расселу, активно сотрудничавшему с газетами на протяжении всей своей жизни, или Л. Витгенштейну, автору идеи создания концептуальной журналистики как философского метода [1, с. 321–406].

Однако не менее важной проблемой такой гипотетической дисциплины, как «философия журналистики», должен стать и сам статус средств массовой информации в современном мире. Заслуживает внимания со стороны философии сам факт распространения массмедиа. В то же время сравнительно быстрое — по меркам исторического времени — распространение, например, телевидения до сих пор принято объяснять исключительно техническими причинами. Однако тот факт, что в начале XXI столетия оно берет под контроль миллиарды людей, для которых жизнь без телевидения была бы невыносима и немыслима, нельзя объяснять как простое и закономерное следствие распространения этого изобретения. Скорее, наоборот, именно потребность в таком инструменте массовой коммуникации вызвала к жизни само изобретение и обусловила степень его распространенности, а если принять во внимание односторонний характер коммуникации, мощные средства суггестии и многие иные характеристики телевидения, то речь может уже идти о потребности не в массовой коммуникации, а в массовом контроле.

Обратим внимание, что само изобретение телевидения предполагало целый ряд предшествующих открытий, таких как радио, телефон, кинематограф и др. И телевидение выступило кульминационным пунктом этой цепочки изобретений, оказавшись наиболее гипнотическим, наиболее назойливым, наиболее могущественным и, как следствие, наиболее опасным изобретением. Здесь возникает почва для самых разнообразных конспирологических теорий, встраивающих изобретение и распространение телевидения в гипотетические глобальные проекты, реализуемые силами мировой закулисы — масонами, мировым правительством и т. п. Эти конспирологические функции легко могут быть экстраполированы на любые средства массовой информации. В то же время нельзя не признать, что такого рода мистификации, привлекающие внимание самой широкой публики, рождаются именно в журналистике. В конечном счете все представления о статусе журналистики, начиная с теорий «четвертой власти» и заканчивая конспирологическими версиями о тайных правителях мира, могут рассматриваться как закономерно порождаемые логикой функционирования дискурса журналистики. Порождаемые с целью защитить автономность этого дискурса, сохранить его «тайну» перед натиском ломающей все преграды сциентистской рациональности.

Вероятно, с той же целью внутри дискурса журналистики формируется и весьма специфический образ философии. Отметим, что этот образ основан на принципиально расплывчатом, неточном понятии «философии», т. е. это такой образ философии, где к ее содержанию относится все, что обычно с ней связывают самые разные рубрикаторы и классификаторы, включая и так называемую личную философию, за которой чаще всего скрываются не более чем попытки своеобразной саморекламы со стороны людей, имеющих самое отдаленное представление об интеллектуальной культуре в целом. Философия для журналистики — это любого рода общие рассуждения, ни к чему не обязывающие, и следует признать, что такой образ философии является весьма распространенным. Необязательность философских высказываний — это закономерное следствие того, что в журналистике элиминируются все умозрительные процедуры установления истины. Интеллектуальная интуиция, диалектика, систематическая дедукция не противопоставляются репортажу и сбору фактов информационными агентствами, а растворяются в чувственной наглядности события. Свойственное журналистике редуцирование

всех разработанных за тысячелетия историко-философского процесса техник умозрения, тем не менее, не является регрессивным движением, возвращающим человеческий интеллект в некое исходное, «до-философское» состояние. Воспроизводя историю становления философии как особого дискурса, следует учитывать, что в древнегреческой цивилизации дискурсивные практики (и прежде всего те из них, где предполагалось участие оракулов) играли весьма специфическую роль. Еще в VI в., утверждает М. Фуко, у греков «истинным дискурсом — в точном и ценностно значимом смысле, — истинным дискурсом, перед которым испытывали почтение и ужас, которому действительно нужно было подчиняться, потому что он властвовал, был дискурс, произнесенный, во-первых, в соответствии с надлежащим ритуалом; это был дискурс, который вершил правосудие и присуждал каждому его долю; это был дискурс, который, предсказывая будущее, не только возвещал то, что должно произойти, но и способствовал его осуществлению, притягивал и увлекал за собой людей и вступал, таким образом, в створ с судьбой. Но вот век спустя наивысшая правда больше уже не заключалась ни в том, чем *был* дискурс, ни в том, что он *делал*, — она заключалась теперь в том, что он *говорил*: пришел день, когда истина переместилась из акта высказывания — ритуализованного, действительного и справедливого — к тому, что собственно высказывается: к его смыслу и форме, его объекту, его отношению к своему референту. Между Гесиодом и Платоном установилось определенное разделение, отделяющее истинный дискурс от дискурса ложного. Разделение — новое, поскольку отныне истинный дискурс не является больше чем-то драгоценным и желаемым и поскольку теперь уже дискурс не связан с отправлением власти» [2, с. 54–55].

Фуко являет собой еще один пример весьма плодотворного сочетания философии и журналистики. В 1977 г. итальянская ежедневная газета «Corriere della sera» предложила ему вести свою рубрику, подразумевая, что там будут появляться статьи знаменитого философа о культуре, политике, глубинных мировоззренческих вопросах. Но Фуко настоял на том, чтобы отправиться в Иран в качестве репортера этой газеты и буквально вынудил руководство «Corriere della sera» принять его предложение. Но к этому времени журналистика уже не была для него новым занятием. Ранее он участвовал в создании газеты «Libération», на протяжении долгого времени сотрудничал с журналом «Le Nouvel Observateur». Кроме того, еще раньше, в тот период, когда он принимал активное участие в деятельности «Группы информации о тюрьмах», он также писал нечто вроде журналистских расследований. Теперь, в качестве репортера «Corriere della sera», он сделал вполне осознанный выбор, и у него на вооружении оказалось нечто вроде концепции философской журналистики. «Современный мир кишит идеями, которые рождаются, блуждают, исчезают и появляются вновь, будоража людей и меняя порядок вещей. Это происходит не только в кругах интеллектуалов, не только в университетах Западной Европы, но повсюду в мире, в частности, у меньшинств, которым история не привила привычки говорить и заставлять слушать себя. На земле куда больше идей, чем это могут себе представить интеллектуалы. И эти идеи куда более действенны, мощны, устойчивы и страстны, чем это могут себе представить “политики”. Нужно присутствовать при рождении идей и их расцвете. Исследовать их не по книгам, а через события, в которых они проявляются, через борьбу, которая ведется вокруг них — против или за. Не идеи правят миром. Но именно потому, что в мире

существуют идеи (и потому, что он их постоянно производит), он не подчиняется пассивно тем, кто правит им, или тем, кто хотел бы раз и навсегда объяснить ему, как следует мыслить. В этом мы видим смысл „репортажей“-анализов: то, о чем нам предстоит размышлять, будет связано с происходящим. Интеллектуалы сойдутся с журналистами на перекрестке идей и событий» [3, цит. по: 4, с. 310].

Это концепция аналитического репортажа — понятия, известного в теории журналистики, но на практике встречающегося довольно редко. Однако у самого Фуко аналитический репортаж вообще противопоставляется журналистике в целом. «Нужно подстергать, приподнявшись над историей, то, что ломает ее и будоражит, и одновременно приглядывать за тем, что, прикрываясь политической необходимостью, несет безусловные ограничения. Это и есть моя работа: я не первый и не единственный, кто ее делает» [5, цит. по: 4, с. 321]. Задачи аналитического репортажа осмысливаются двойственно: аналитик должен, в отличие от обычного репортера, видеть ту силу, которая на его глазах меняет ход истории, понимать ее направленность. В то же время перед аналитиком стоит задача демистификации тех политических идей и программ, которые играют консервативную, если вообще не реакционную роль. Фуко остается везде левым мыслителем, убежденным, что в конечном счете идеи прогресса и свободы несут человеку безусловное благо. В той же степени двойственна и его негативная оценка собственного опыта аналитической журналистики. Позже он объяснит свое увлечение репортажами определенным разочарованием своим статусом мыслителя и литератора. Он писал, по его собственному мнению, плохие книги о прошлом и совершенно не мог предсказывать будущее. Поэтому он решил попытаться счастья, обратившись к настоящему — к аналитическому репортажу. И если все же попытаться реконструировать концепцию аналитической журналистики Фуко, то этот признак — обращенность к настоящему и определенное противопоставление деятельности историка и футуролога — следует признать весьма существенным.

Несколько позже, в 1984 г., Фуко сообщил П. Бурдьё, что близок к тому, чтобы оставить и преподавание, и литературную деятельность. Биографы связывают это намерение с очередным этапом разочарований, но гораздо более интересным является намерение Фуко вновь обратиться к журналистике. На этот раз в его планы входит ведение авторской колонки по проблемам геополитики. И хотя такой вид журналистики был весьма далек от репортажа, он, тем не менее, может рассматриваться как продолжение тех *reportages d'idée*, о которых речь шла выше.

Примеры, подтверждающие плодотворное сочетание профессий философа и журналиста, можно было бы продолжить, добавив более известные случаи и вспомнив, в частности, К. Маркса [6] или В. В. Розанова [7]. Эти примеры своей фактической стороной опровергают распространенное противопоставление дискурсов философии и журналистики. Обычно сопоставляют сами противоположности, но в данном случае напрашивается сопоставление противопоставлений. Нельзя ли провести некую аналогию между противопоставлением дискурсов философии и журналистики и другим противопоставлением, уже сыгравшим решающую роль и в истории западноевропейской философии, и в европейской культуре в целом. Существует некая парадигма, где определенным образом противопоставляются те, кого правомерно считать основателями западной рациональности, — Платон и Аристотель. Для Аристотеля характерны система, классифицирующее

мышление, короче говоря, некая «натуралистическая» доминанта, противоречащая тому, что было сущностью созерцания у Платона. Эвристическому дискурсу Платона, движению, управляемому свободным парением разума, воодушевленного задачей духовного формирования человека и его пробуждения к самому себе, Аристотель предпочел упорядочивание вещей, их иерархию и возникающую при этом возможность строгих определений.

Это противопоставление, как известно, рождается в педагогических хлопотах; само по себе оно, тем не менее, обманчиво, так как созерцание богатства реальности не имеет никакого другого значения, кроме умозрения, призванного эту реальность познавать; не следует ли движение мысли Платона приписать впечатляющей динамике Идеи, тогда как Аристотель, чтобы определить, чем является природа сущего, приступает к тому, что можно назвать спекулятивным взвешиванием ее «разумных оснований»? Действительно, одно из двух: либо феномен сам по себе остается в непосредственности своего явления и требует только внешнего наименования, которое ничего не *говорит* о том, что он есть, либо он сам устанавливает собственное выражение в *качестве феномена* и, следовательно, свое включение в речь. Логика первой позиции, совершаемых наименований, приводит к молчанию — мудрому? — того, кто принимает мир таким, как он открывается, и кто старается ничего к нему не добавлять; что касается второй позиции, то она исходит из того, что мир раскрывается в языке или, скорее, признает, что он сам обладает потребностью в языке и, как следствие, порождает в нем рефлексивность, устанавливающую возможность отношения. Нельзя разъединить мышление и систему, и философия является «систематической по существу». Но вполне допустимым является и следующее утверждение: философия является «систематической по существу», и именно за счет этого она может и не быть «систематической» в том смысле, в каком это прилагательное передает идею устойчивости, прочности, основательности. Можно было бы изложить это утверждение и в виде гипотезы, которая приводила бы весь историко-философский процесс в режим постановки вопросов — вопросов об определенных предметах и вопросов о самих вопросах — режим, существенный для мышления при любом положении дел. Если вернуться к Платону и Аристотелю, то в этом случае не имело бы никакого смысла представление, согласно которому второй перевел созерцание первого в форму системы, которая в принципе была бы для этого созерцания внешней: не было ли целью самого Платона раскрыть «парение» Идеи в целом, вначале отталкиваясь от ее феномена, а затем решая вопрос о «причастности» чувственного к этому умопостигаемому? За счет этого, *на основе этого различия себя от самого себя* и разворачивается подлинно «систематическое» мышление.

Такую *открытую* систему следует понимать не как некую сверхструктуру, которая объединяла бы все возможные схемы, но как *движение*, которое одновременно и устанавливает взаимосвязи реальности, и делает их относительными. Систему, которая, как «серийная система» в музыке, делает возможным развертывание бесконечных рядов, за каждым из которых будет признано его неустранимое своеобразие. Таким образом, внутри самой философии существуют два различных, и даже противоположных понимания своего собственного систематического характера. Одно понимание предполагает противопоставление «несистематического» Платона «систематическому» Аристотелю. Но принимая это противопо-

ставление, мы будем вынуждены оставить за границами философского дискурса не только диалоги Платона, но и таких «несистематичных» мыслителей, как Б. Паскаль [8], С. Кьеркегор [9], Ф. Ницше [10], Л. Шестов [11] и многих других. Иными словами, такое понимание существенно обедняет саму философию, так как этих и иных «несистематичных» мыслителей нельзя квалифицировать как «досистемных». Понимание же системы как *открытой* и как *движения* предполагает возможность бесконечного ее обогащения на основе принципа *различия себя от самой себя*. В этом отношении философия как область духа, претендующая на обладание универсальным и всеобъемлющим, может подтверждать эту свою компетенцию, не отталкиваясь от того, что предстает в качестве противоположности, а наоборот, разыскивая всякий раз новые способы сближения с ним. Учитывая все то, что выше было сказано о противопоставлении дискурсов философии и журналистики, представления о философии как об открытой системе могут стать плодотворной основой для гипотетической философии журналистики.

Литература

1. Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 321–406.
2. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. Киев: Ника-центр, 1996. 207 с.
3. Foucault M. Les Reportages d'idées // Corriere della sera. N 267. 12 novembre 1978. P. 1.
4. Эрибон Д. Мишель Фуко / пер. с фр. С. Л. Фокина. М.: Молодая гвардия, 2008. 378 с.
5. Foucault M. Inutile de se soulever? // Le Monde. 11 mai 1979. P. 1–2.
6. Ульянов Н. И. Замолчанный Маркс // Ульянов Н. И. Исторический опыт России и украинский сепаратизм. СПб.: Русский остров, 2015. С. 166–196.
7. Равкин З. И. В. В. Розанов — философ, писатель, педагог. Жизнь и творчество. М.: Просвещение, 2002. 380 с.
8. Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994. 495 с.
9. Гайденко П. П. Трагедия эстетизма. Опыт характеристики мирозерцания Сёрена Кьеркегора. М.: Республика, 1997. 198 с.
10. Марков Б. В. Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2005. 788 с.
11. Буланов В. В. Ранний Лев Шестов: философ или литератор? // Перспективы науки. 2011. № 3(18). С. 45–48.

Для цитирования: Быстров В. Ю. Философия и журналистика как дискурсивные практики: противопоставление и сближение // Вестник СПбГУ. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 4. С. 13–20. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.402

References

1. Wittgenstein L. O dostovernosti [On Trustworthiness]. *Wittgenstein L. Filosofskie raboty* [Wittgenstein L. *Philosophical works*]. Transl. from Germany by M. S. Kozlova, Iu. A. Aseev. Patr I. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 321–406. (In Russian)
2. Fuko M. *Arkheologiia znaniia* [Archaeology of Knowledge]. Transl. from French by S. Mitin, D. Stasov. Kiev, Nika-tsentr Publ., 1996. 207 p. (In Russian)
3. Foucault M. Les Reportages d'idées. *Corriere della sera*, 1978, no 267, 12 novembre, p. 1.
4. Eribon D. *Misheľ Fuko* [Michel Foucault]. Transl. from French by S. L. Fokina. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2008, 378 p. (In Russian)
5. Foucault M. Inutile de se soulever? *Le Monde*, 11 mai 1979, pp. 1–2.
6. Ul'ianov N. I. Zamolchannyi Marks [Suppressed Marx]. *Ul'ianov N. I. Istoricheskii opyt Rossii i ukrain-skii separatizm* [Historical experience of Russia and Ukrainian separatism]. St. Petersburg, Russkii ostrov Publ., 2015, pp. 166–196. (In Russian)

7. Ravkin Z. I. V. V. *Rozanov — filosof, pisatel', pedagog. Zhizn' i tvorchestvo* [Rosanov — philosopher, writer, pedagog]. Moscow, Prosvetschenie Publ., 2002. 380 p. (In Russian)

8. Strel'tsova G. Ia. *Paskal' i evropeiskaia kul'tura* [Pascal and European Culture]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 495 p. (In Russian)

9. Gaidenko P. P. *Tragediia estetizma. Opyt kharakteristiki mirosozertsaniiia Serena Kirkegora* [Tragedy of Aestheticism. Attempt of description of Søren Kierkegaard's world-view]. Moscow, Respublika Publ., 1997, 198 p. (In Russian)

10. Markov B. V. *Chelovek, gosudarstvo i Bog v filosofii Nitshe* [Man, State and God in Nietzsche's philosophy]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2005, 788p. (In Russian)

11. Bulanov V. V. *Rannii Lev Shestov: filosof ili literator?* [Early Leo Shestov: philosopher or literary man?]. *Perspektivy nauki* [Perspectives of Science], 2011, no. 3(18), pp. 45–48. (In Russian)

For citation: Bystrov V. Yu. Philosophy and journalism as discursive practices: opposition and convergence. *Vestnik SPbSU. Series 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, 2016, issue 4, pp. 13–20. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.402

Статья поступила в редакцию 24 мая 2016 г.;
принята в печать 16 июня 2016 г.